

Исторический вестник. 2023. Т. XLV

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.45.001

Е.А. Конявская

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РАННЕЙ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Завершив труд о древнерусских северо-восточных житиях, В.О. Ключевский сделал шокировавший научную общественность вывод о том, что источниковедческая ценность текстов житий не соответствует ожиданиям историков, предвкусшающих получить богатый материал из «самого обильного и свежего источника». Такие ожидания были и у самого автора знаменитого труда «Древнерусские жития святых как исторический источник», рассчитывавшего использовать агиографические памятники для изучения «участия монастырей в колонизации северо-восточной Руси»¹. И тем не менее диссертация, ставшая книгой, показала, как важны эти источники для изучения нашего прошлого, дав при этом в руки последующих поколений историков и источниковедов методику исследования памятников агиографии. Рассматривая исторические данные житий, исследователь, как писал В.О. Ключевский, должен понимать, что «читающая среда», для которой предназначалось произведение, «искала в житии не знакомства с событиями прошедшего, не исторические знания, а назидательных примеров для практической жизни»².

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988. С. 1.

² Там же. С. 409.

Книга В.О. Ключевского указала основные принципы изучения русской агиографии, и наука в этом изучении значительно преуспела за прошедшие полтора столетия. Сегодня понятно, что сколь бы ни было значимым для агиографа приблизить образ героя к известным образцам святости, он имел и другую важную цель: донести до современников и сохранить для потомков значимые события и поступки подвижника. При этом в высказываниях авторов житий обнаруживается осознанное и декларируемое ими стремление следовать фактам, писать *истину*³. Об этом принципе авторы заявляют и в прямых высказываниях, и опосредованно. Так, акцент на истинности описываемого ставится посредством скрупулезного (а не формально-обобщенного) перечисления источников сведений или личного свидетельствования автора как «самовидца», что так важно для причисления подвижника к лику святых.

Необычайным богатством исторических сведений отличается одно из первых русских оригинальных житий — «Житие Феодосия Печерского» Нестора, древнейший список которого читается в «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в. Впоследствии оно было включено в Киево-Печерский патерик. Датировка Жития является предметом длительной научной дискуссии: она колеблется от конца 70-х гг. XI в. до начала XII столетия. Последние исследования подтверждают правильность более поздней датировки — начало XII в.⁴ Так или иначе автор произведения был младшим современником Феодосия и имел возможность получить немало данных о жизни Феодосия от людей, непосредственно знавших преподобного. Свидетельство этому Нестор облакает в традиционно-каноническую фразу о старцах, знавших Феодосия, в послесловии, сохранившемся в редакции Успенского сборника: «Се бо елико же выше о блаженѣмъ и велицѣмъ о(т)ци нашемъ Феодосии, оспытывая, слышахъ от дрѣвнѣиихъ мене о(тѣ)цъ бывѣшихъ въ то врѣмя»⁵.

Подводя итог первому юношескому этапу жизни святого, автор говорит, что сведения получил от келаря: «Се же житие блаженааго отьца нашего Феодосия отъ уны вѣрсты до сѣ, дондеже прииде в пещеру, мати же его съповѣда единому от братия, именѣмъ Феодору, иже бѣ келарь при отьци нашемъ Феодосии. Азъ же от него вся си слышавъ, оному съповѣдающе

³ Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 136.

⁴ См.: Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 год: Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 253–262.

⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. М.: Наука, 1971. С. 134.

ми, и въписахъ на память всѣмъ почитающимъ я»⁶. Трижды он ссылается на черноризца Илариона. Иногда же источник упоминается, но не называется: «Сице же паки по вся нощи съповѣдахути и творяще» или: «мнози съвѣдѣтельствуютъ»⁷.

Житие Феодосия как никакое другое богато фактическими деталями и поэтому привлекало пристальное внимание историков. Из новейших работ важно указать объемную статью Ю.А. Артамонова, рассмотревшего большой комплекс проблем, связанных с памятником⁸. Выявлению «мирских реалий» в Житии было посвящено исследование М.Б. Свердлова⁹. Не повторяя анализа и выводов ученых, представляется возможным сделать несколько частных добавлений.

Так, М.Б. Свердлов выдвинул предположение, что отец Феодосия, должно быть, исполнял некие военные обязанности, коль скоро город Васильев на реке Стугне упоминается под 996 г. как место битвы с печенегам. Под тем же 996 г. рассказывается, что на месте победы Владимир Святославич ставит церковь Спаса Преображения и устраивает грандиозный пир. Можно отметить, что в Житии Феодосия упоминание Васильева важно тем, что следующее упоминание этого города фиксируется лишь под 1164/1165 г. Житие, таким образом, дает понять, что город в начале 30-х гг. XI в. имел некую систему управления, подчиняющуюся князю, ибо именно князь (очевидно, Ярослав Мудрый) отдает приказание о переезде своего служащего на новое место — в Курск.

Неоднократно рассматривались сюжеты о взаимоотношениях Феодосия с князьями (Изяславом и Святославом Ярославичами). Интересно при этом отметить, что образы князей оказываются отнюдь не абсолютными злодеями, или воплощением исключительных добродетелей, как это свойственно византийским житиям. В Житии Феодосий долгое время обличает Святослава за изгнание Изяслава и захват киевского стола, не признает его княжение законным, однако сам князь изображается Нестором искренне почитающим и любящим преподобного. Нестор, подробно описывая попытки Феодосия добиться от Святослава, чтобы тот возвратил Изяславу стол, называет Изяслава «христолюбцем», а Святослава не менее

⁶ БДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 368.

⁷ Там же. С. 396.

⁸ Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения. С. 173–277.

⁹ Свердлов М.Б. Мирские реалии в Житии Феодосия Печерского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1 С. 7–14.

Фрагмент с ликом Феодосия иконы Божией Матери Свенской Печерской
с предстоящими Феодосием и Антонием Печерскими

комплиментарно «благым»¹⁰. Именно Святославу дано знамение — огненный столп — когда умирает Феодосий: «до небесе сущъ надъ монастырьмъ тѣмъ. Сего же инъ никътоже видѣ, нъ тѣкъмо князь единъ, и якоже от того разумѣти прѣставление блаженаго, и глагола сущимъ съ нимъ: “Се, якоже мню, дньсь блаженъи Феодосии умре”»¹¹.

С другой стороны, образ Изяслава не рисуется исключительно в положительном свете: он гневается на Никона за пострижение сына «первого у князя в боярах» Иоанна, а также скопца, занимавшего административно-хозяйственный пост в княжеском доме, грозитя Никона и «сущих с ним» заточить, а пещеру монашескую «раскопать». Лишь по мудрому совету жены (Гертруды) он отказывается от своих угроз. Упоминания жены Изяслава в Житии, проблема основания и местоположения женского монастыря Св. Николая, где постриглась мать Феодосия, еще остаются перспективой изучения и прояснения.

Перспективу для дальнейшего рассмотрения представляет и вопрос о судьбе наследства отца Феодосия в условиях его отказа продолжать княжескую службу, которую исполнял раньше умерший глава семьи. Было ли яростное противодействие матери устремлениям старшего сына продиктовано лишь любовью к нему и нежеланием отпускать из дома, или семья с оставлением им службы теряла (возможно, частично) свои владения, права и привилегии?

¹⁰ БЛДР. Т. 1. С. 424.

¹¹ Там же. С. 432.

В.О. Ключевский, анализируя жития Северо-Восточной Руси, тем не менее, обратился и к памятнику смоленской агиографии, рассмотрев многие аспекты «Жития Авраамия Смоленского».

Еще до работы В.О. Ключевского об этом памятнике говорилось в работах общего характера — «Истории русской церкви» митрополита Макария¹², «Источниках русской агиографии» Н.П. Барсукова¹³. Позже появились специальные работы: Н. Редкова¹⁴, С.П. Розанова — с текстологией и изданием различных редакций текстов¹⁵. Существенный вклад в изучение Жития внесли разыскания М.В. Печникова¹⁶, П.И. Гайдено, В.Г. Филиппова¹⁷ и др.

Традиционно создание Жития, написанного его учеником Ефремом, датируется — «после 1237 г.», поскольку есть упоминание об «измаилтеских языках», которых автор молит Бога «рассыпать» и «расточить». Однако, как отмечал В.О. Ключевский, это не означает, что речь идет обязательно о монгольском нашествии¹⁸. Известно, что подобным образом называли русские летописи различные степные народы нехристианской веры¹⁹. Смоленск не подвергался разгрому со стороны монголов, хотя на территорию княжества они вторгались (это касалось восточных территорий княжества позже — после 1238 г.). Угроза агрессии, знание о том, какие беды постигли другие Русские земли, весьма вероятно могли вызвать такое восклицание. Датирующим же моментом такие выражения могут быть, скорее, не по отношению к нижней границе времени написания Жития, а напротив, — указывать на верхнюю границу возникновения памятника. В середине XIII в., а этим временем часто датируют Житие, для смольнян гораздо более серьезной была угроза со стороны литовцев. При этом из многих высказываний Ефрема ясно, что Житие написано вскоре после преставления святого.

¹² Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. С. 381–383.

¹³ Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 8–10.

¹⁴ Редков Н. Преп. Авраамий Смоленский и его Житие, составленное учеником его Ефремом. Смоленск, 1909.

¹⁵ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.

¹⁶ Печников М.В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М.: Восточная литература, 2003. С. 346–359.

¹⁷ Гайдено П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середины XIII века): несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 45. 2011. 12 (227). С. 106–116.

¹⁸ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 57.

¹⁹ Чекин А.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. С. 691–716.

В частности, говоря о пострижении Авраамия, автор Жития подчеркивает, что место пострижения его известно многим (живущим на тот момент): «И оутаився всѣхъ, Богу наставляющу, отшедь отъ града дале 5 поприщъ, острижеса, якоже мнози вѣдять святыя Богородици монастырь, къ вѣстоку, Селища нарицають»²⁰. Примерно в тех же выражениях, апеллируя к непосредственным современникам Авраамия, он говорит о тѣнении, с которым относился преподобный к святой литургии: «божественую же литургію съ всяцѣмъ тѣніемъ, иже за всего мира Христось повелѣ приносити, не единого же дне не остави, якоже и мнози вѣдять его бывша и до самое смерти, и не оставившаго церковная правила и божественая литургіа, и своего подвига»²¹. Очевидно, что для уточнения времени возникновения памятника необходимо определить время преставления Авраамия.

В.О. Ключевский приходил к выводу, что «одинаково вероятно предположить смерть Авраамия гораздо раньше и гораздо позже 1220 г.»²². Н. Редков полагал, что Авраамий родился после 1146 г., а умер не позже 1219 г., не давая, правда, развернутого обоснования²³.

В Житии преподобного говорится, что он подвизался в иночестве 50 лет, но, как показано Г.П. Федотовым, эта деталь могла войти в Житие по образцу Жития Ефрема Сирина²⁴. Впрочем, это цифра могла быть примерно округленной в обоих житиях. Рукоположен в священники Авраамий был при смоленском князе Мстиславе Романовиче (между 1197 и 1212 гг.). Этот промежуток времени можно еще более ограничить, поскольку сам преподобный в Житии говорит о 5 годах своих страданий от поношения. Ефрем свидетельствует, что сам преподобный говорил: «Быхъ 5 лѣтъ искушенія терпя, поносимъ, бесчестуемъ, яко злодѣи»²⁵. Представляется возможным сделать попытку датировать эти события. Известно, что гонения на Авраамия закончились после избавления города от засухи. В это время еще был жив епископ Игнатий, стало быть, время засухи нужно искать до 1219 г. Согласно дендрохронологическим данным, такими годами для Смоленска были 1210–1212 гг.²⁶ Именно к этим датам засухи склонялся М.В. Печни-

²⁰ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 4.

²¹ Там же. С. 6.

²² Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 56–57.

²³ Редков Н. Преп. Авраамий Смоленский и его Житие, составленное учеником его Ефремом. С. 66.

²⁴ Федотов Г.П. Житие и терпение св. Авраамия Смоленского // Россия, Европа и мы. Сборник статей. Paris: YMCA-Press, 1988. С. 33–58.

²⁵ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 6.

²⁶ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. С. 84.

ков, не согласившись на даты 1217–1222 гг., которые прозвучали в работе Б.А. Рыбакова²⁷. Однако далее М.В. Печников сделал вывод, что гонения и суды проходили именно в эти годы и участником суда со стороны светских властей был Мстислав Романович, который, как пишет исследователь, занял в 1214 г. киевский стол²⁸. Тем не менее на киевский стол этот князь сел раньше, скорее всего в том же 1212 г., а датировать начало гонений нужно, соответственно его собственным словам, более ранним временем — на 5 лет раньше конца засухи — т. е. примерно 1206–1208 гг. Стало быть, время принятия сана ограничивается от 1197 — до 1205–1207 гг. (понятно, что гонения начались не сразу после принятия сана). Видимо, в монастырь Авраамий пришел не ребенком, не отроком, а юношей, поскольку в Житии рассказывается, как он, еще не покинув семью, учился, а затем родители склоняли его к браку. Норма по возрасту, в котором возможно принятие священства, устанавливалась на Соборе 1273 г. — 30 лет. Возможно, данное установление потребовалось по причине того, что ранее такое правило не строго соблюдалось, хотя не могло быть не известно на Руси. Но Ефрем дает портрет Авраамия именно этого времени — когда он стал иеромонахом, и оказывается, что преподобный был в это время человеком средних лет, в бороде нет седины, а голова «плешива».

При этом датировать его преставление нужно временем до начала 30-х гг. XIII в., так как в Житии не говорится о бедствиях, которые постигли Смоленск в эти годы: как известно из летописей, в городе случился страшный мор (хотя не совсем ясно — по причине голода из-за неурожая или эпидемии). За два года умерло около 32 тыс. человек²⁹.

Учитывая все эти данные и выкладки (возможное время рукоположения, общее число лет в иночестве, кончина до начала 30-х гг. XIII в.), преставление Авраамия целесообразно отнести к 20-м гг. XIII в. Соответственно, в скором времени после этого было составлено Житие.

Наибольший интерес в сюжетной канве Жития представляет рассказ о конфликте в смоленской епархии и последующих гонениях, которым подвергся преподобный. И главную загадку для нас представляет сама суть обвинений, выдвинутых против него.

Ефрем говорит о ревности духовенства к его популярности у паствы. Подчеркивая этот аспект, П.И. Гайденко и В.Г. Филиппов считают, что главная

²⁷ Рыбаков Б.А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» // Советская археология. 1964. № 2. С. 179–187.

²⁸ Печников М.В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? С. 353.

²⁹ ПСРА. М.; Л.: Наука, 1949. Т. 25. С. 125; ПСРА. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 212.

Преставление преподобного Феодосия. Миниатюра, Радзивилловская летопись

причина распри лежала в материальной сфере³⁰. Богатство монастырей могло, конечно, раздражать белое духовенство. Об обильных дарах в монастырь, где подвизался Авраамий, говорится в Житии: «подавааху емоу на потребу и лише потребы»³¹. Характерно, что в некрологах всех сыновей Ростислава Мстиславича Смоленского — Ростиславичей есть слова о том, что князья монастыри «набдя и черныѣ оутѣшевая, и мирьския ц(е)ркви набдя и попы, и весь с(вя)т(е)льскіи чинѣ достоиную ч(е)стью чтяше»³². Такое явное разделение черного и белого духовенства встречается в некрологах нечасто. Но делать далеко идущие выводы, значимые для рассматриваемой коллизии, едва ли целесообразно. В повествовании Ефрема налицо всеобщая враждебность и желание расправы над святым, в том числе и со стороны людей мирских, которых подобного рода амбиции, ревность, зависть не должны были касаться. Первый рассказ о вражде и хулении на Авраамия называет в качестве его недоброжелателей священников и черноризцев, но далее говорится о каких-то людях, приходящих «отъ града», которые стремились «потязати и укорити» игумена. При этом вслед за ними называются некие «друзии», которые уже явно мирянами не были, ибо претендовали устраивать с ним «спиру», пытаясь доказать, что Авраамий «ничто же свѣдуша противу» них, и прибавляет Ефрем: «и тако посрамлени съ студомъ отхожааху»³³.

Похожая картина наблюдается и во второй кампании против Авраамия, хотя здесь среди врагов преподобного называются отдельно лишь попы:

³⁰ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середины XIII века): несколько наблюдений. С. 110–111.

³¹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 7.

³² ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 550–551.

³³ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 7.

«И начаша овии клеветати епископу, инии же хулити и досажати, ови еретика нарицати, а инии глаголаху на нь — глубинныя книги почитаетъ, инии же къ женамъ прикладающе, попове же зиающе и глаголюще: “Уже наши дѣти вся обратилъ есть”; друзии же пророкомъ нарицающе и ина же многа на нь вѣщания глаголюще, их же блаженны чюжь»³⁴. Такой набор и странная последовательность обвинений создают впечатление серьезно организованной кампании, когда одни называют его еретиком, другие винят в опасном мудрствовании, третьи обличают как лжепророка, а четвертые простодушно возмущаются, что к нему ушли их духовные чада. Обвинения в блуде, рассчитанные на простой народ, заставляют вспомнить историю Ильи-Иоанна Новгородского. И как бы ни велика была роль духовенства в гонениях на Авраамия, нельзя закрывать глаза на то, что на него ополчился весь город: «сѣбраша же ся отъ мала и велика весь градъ на нь, инии глаголють заточити, а инии къ стѣнѣ тоу пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе градъ»³⁵. Понятно, что недоброжелателям удалось настроить против преподобного жителей Смоленска. Намерения, как можно видеть, были весьма решительные, заточение среди них было самым гуманным требованием.

Среди собравшихся на епископском дворе названы духовные лица, из мирских же лишь князя и бояре. Именно они будут судить Авраамия, но «весь град», когда преподобного влачат на суд, проявляет себя по-прежнему крайне агрессивно: «овии роугахоуся ему, инии же насмихаахоуся емоу и бесчинная словеса кыдающе»³⁶.

О присущей жителям Смоленска активности говорят многие летописные свидетельства второй половины XII в. Выражение «все смольняне» для демонстрации единого положительного отношения к князю используется в статье 1180 г. Ипатьевской летописи. Так встречают въезжающего в город Давыда — процессия, которую возглавляет епископ Константин; а затем во время похорон Романа по нему плачут «вси Смольнянѣ поминающе добросердѣе его до себе»³⁷. К этой же группе упоминаний можно отнести и выражение «малѣ не весь градъ»³⁸ — о встрече в Смоленске Ростислава Мстиславича в 1167 г. Есть известия, в которых речь идет и о действиях смольнян, где они проявляют самостоятельный выбор и волю. В Ипатьевской летописи говорится, что в начале 1175 г. «Смольнянѣ выгнаша от себе Романо-

³⁴ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 616.

³⁸ Там же. Стб. 528.

Преподобные Авраамий Смоленский и Ефрем Смоленский.
Миниатюра из рукописи XVII в.

вича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленську княжить». Возможно, сын Романа Ростиславича был слишком молод, авторитет же его брата Мстислава, напротив, был весьма высок, так или иначе смольняне имеют по этому поводу свои представления, которые отстаивают. В некрологическом же рассказе о кончине Романа плач его вдовы содержит слова: «многия досады прия от Смолнянь, и не видѣ ты, г(о)с(поди)не, николи же противу ихъ злоу никотораго зла въздающа»³⁹. Правда, никаких прямых указаний на конфликты между Романом и смольнянами летописи не обнаруживают (за исключением изгнания сына). О волнениях в княжение Давыда Ростиславича, во время которого прошли юность и молодые годы Авраамия, такой факт отмечен — в Новгородской первой летописи под 1186 г. сообщается: «Встанѣ бысть Смоленське промежи княземъ Давыдомъ и смолняны, и много головъ паде луцъшихъ мужъ»⁴⁰. Некий подобный намек читается и в некрологе Давыду: князь «злая кажня яко же подобаетъ ц(е)с(а)рмь творити»⁴¹.

Далее в Житии Ефрем говорит, что мирским участникам снema («князю бо и властелемъ») по молитве Авраамия «оумягъчи Богъ сердце». Очевидно, что серьезное влияние на позицию князя и бояр оказали слова Луки

³⁹ Там же. Стб. 617.

⁴⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Наука, 1950. С. 38.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 703.

Прусина, который, судя по тому, что он служил в княжеском храме архангела Михаила, весьма вероятно, был княжеским духовником. Имело, видимо, значение и благородное происхождение самого Авраамия, об отце которого в Житии говорится: «Бѣже отецъ его всѣми чтѣмъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо во истину отъ всѣхъ опознанъ, яко и правдою украшенъ, и многымъ въ бѣдахъ помагая, милостивъ и тихъ къ всѣмъ, къ молитвѣ и ко црквамъ прилежа»⁴². Коль скоро его родитель «отъ князя честь приемля», при этом всем известен и любим, многим помогал, — стало быть, он имел такую возможность, располагая средствами и влиянием. Хотя к этому времени родителей преподобного не было в живых, из сочинений Ефрема мы знаем, что Авраамий был далеко не первым их ребенком (но первым мальчиком) — до него в семье родилось 12 девочек. Если и не все его 12 сестер дожили до замужества, есть возможность предполагать его родство с боярами и «вельможами» из окружения князя.

Ефрем не сдерживал себя в выражениях, говоря о врагах преподобного: игумены и иереи готовы были «жива его пожрети», попы «рыкают», как волю⁴³. Несмотря на это, князь и вельможи делают вполне определенное заявление: обвинители Авраамия «все лжоутъ». Видимо, ложью оказались какие-то очень тяжкие обвинения, за которые ему грозила смерть и в которых мог компетентно разобраться князь, поскольку присутствовавшие представители духовенства не могли найти «конца», за который можно ухватиться в судилище. Собрание завершили, приставив к Авраамию и двум его ученикам стражу. На следующий день суд возобновился, причем Ефрем пишет, что «вины, яже преже глаголаахоу, оукоривше, озлобивше, възложиша на нь»⁴⁴. Эти прежние «вины» тем не менее дали основание лишь отправить преподобного в Успенский монастырь на Селище, где он в свое время принял постриг. Видимо, отказавшись от обвинений в неподобающем поведении, ереси и других непростительных деяниях, мысли участников суда вернулись к мудрствованиям, которые им не было дано понять и оценить.

Попытки определить учение Авраамия как ересь предпринимались в научной и богословской литературе неоднократно, ему приписывали всякого рода заблуждения — от манихейства до стригольничества. Но представляется совершенно невероятным, чтобы еретик в конечном счете мог быть признан святым и официально канонизирован. Суть конфликта была, видимо, именно в том, о чем и писал Ефрем: в ревности к пастве, зависти

⁴² Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 2.

⁴³ Там же. С. 10.

⁴⁴ Там же. С. 11.

и неприятии «невѣжами, взимающими санъ священства», человека ученого, интеллектуального, незаурядной личности, способной заражать дорогими ему идеями множество людей. Особенно яркими и необычно подробными были его проповеди тогда, когда они касались Малой и Большой эсхатологии. Неслучайно именно посмертным мытарствам души и Страшному суду посвящены иконы, написанные рукою преподобного, упомянутые Ефремом. Необычные образы и сюжеты, представленные со страстью мистика, не могли не поражать сердца и воображение прихожан, которые были готовы не уходить от преподобного вовсе («такое бо бѣ благодатью Христоваго утѣшая приходящаа, и плѣняя ихъ душа и смыслъ ихъ, дабы възможно и не отходящу быти, яко же и сему мнози суть послуси»⁴⁵).

«Глубинные книги», которые за историю изучения Жития связывали и с поздней Голубиной книгой духовных стихов, и даже с иранскими реминисценциями, явно обозначают не какой-то конкретный комплекс книг или текстов, а являются определением книг сложных, малодоступных неученым людям, но которые несут в себе истинную мудрость. Неслучайно эти «глубинные книги» именно в таком контексте вспоминаются и в Службе преподобному: «Глубиннаго писания, яже многим неюдобъ разумна, Богъ открь тебѣ, отче, своему оугоднику, таину»⁴⁶.

В качестве интересной детали для истории повседневности в Житии Авраамия Смоленского можно отметить указанные Ефремом причины, по которым Авраамий не ходил на пиры: это «зазирания», «яже бываютъ отъ мѣста избирающихъ», и беды, бывающие «отъ многога ради пьянства»⁴⁷. Характерно, что в Житии Феодосия Печерского Нестор рассказывает о другом обычае на княжеских пирах, который был неприемлем для преподобного Феодосия: это музыканты, играющие на различных музыкальных инструментах. Феодосий сказал князю: «То будетъ ли сице на ономъ свѣтѣ?»⁴⁸ По-видимому, во времена Авраамия музыканты отошли на второй план по сравнению со ссорами приближенных смоленских князей, случавшимися на пирах.

Важна информация Ефрема о том, что в связи с запретом посещать кому-либо преподобного, находящегося, по сути дела, под арестом в Богородицком монастыре, «мнози же мечници на всѣхъ путехъ стрѣжааху, а нѣции разграблени быша»⁴⁹. Мечники известны по Русской Правде и ран-

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Там же. С. 134, 155.

⁴⁷ Там же. С. 8.

⁴⁸ БЛДР. Т. 1. С. 422.

⁴⁹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 12.

ним летописным упоминаниям. Новый источник (цилиндры, замыкающие мешок) был приобретен к исследованию В.Л. Яниным, который заключил, что мечники представляли административных лиц, причастных «к княжескому суду»⁵⁰, в частности, они были сборщиками «накладов» в процессе судопроизводства. Однако В.Л. Янин отмечает, что не во всех случаях термин *мечник* имеет административно-должностной характер. Иногда им обозначается воин, член младшей дружины. Словари древнерусского и древнеславянских языков дают также значения «страж», «палач» — это по отношению к сюжетам библейской и византийской истории. В рассматриваемом случае слово «мечник», видимо, было употреблено именно в таком значении: мечники выполняли полицейские функции. Даже если разграбление имущества не послушавшихся запрета мирян, пытавшихся привести в монастырь какие-то подношения преподобному, было исполнением наказания (как «поток и разграбление»), необычным остается то, что мечники оказываются на службе у церковных иерархов (ведь решение об изоляции Авраамия было принято церковным судом). О каких-то стражах, «оть епископа на се пригототованнымъ», говорится и в рассказе о суде над преподобным, но в этом случае стражи не называются мечниками.

Наконец, в Житии содержится бесценный материал по истории книжности — о том, как составлялись сборники поучений и фрагментов разного рода канонических и учительных текстов (такие, например, как Трифоновский, Паисиевский сборники): Авраамий, читая книги, выписывал из них, «яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаючи и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся отъ всѣх избирая и списая ово своею рукою», либо поручал такую работу другим писцам⁵¹.

Таким образом, при несомненном литературном характере Жития Авраамия⁵² оно, как и Житие Феодосия Печерского, является ценным историческим источником, наполненным реальными сюжетами и деталями.

⁵⁰ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 37.

⁵¹ Розанов С.П. Жития преп. Авраамия Смоленского и службы ему. С. 5.

⁵² См. об этом: Конявская Е.Л. К вопросу об особенностях «Жития Авраамия Смоленского» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (3). С. 111–114.

REFERENCES

1. *Artamonov Yu.A. Zhitie Feodosiya Pecherskogo: Problemy istochnikovedeniya* [The Life of Theodosius of the Kiev caves: Problems of source studies] // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2000 god: Problemy istochnikovedeniya*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. S. 173–277.
2. *Barsukov N.P. Istochniki russkoy agiografii* [Sources of Russian hagiography]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyukevicha, 1882. XII s., 616 stb., [2], VIII s.
3. *Biblioteka literatury Drevney Rusi (v 20-ti t.)* [Library of literature of Ancient Rus' (in 20 vols.)]. T. 1. St. Petersburg: Nauka, 1997. 543 s.
4. *Chekin L.S. Bezbozhnye syny Izmailovy. Polovtsy i drugie narody stepi v drevnerusskoy knizhnoy kul'ture* [Godless sons of Ishmael. Polovtsy and other peoples of the steppe in ancient Russian book culture] // *Iz istorii russkoy kul'tury*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. T. 1. S. 691–716.
5. *Fedotov G.P. Zhitie i terpenie sv. Avraamiya Smolenskogo* // *Rossiya, Evropa i my (Sbornik statey)* [The Life and patience of St. Avraamy Smolensky // Russia, Europe and us (Coll. of articles)]. Paris: YMCA-Press, 1988. S. 33–58.
6. *Gaydenko P.I., Filippov V.G. Tserkovnye sudy v Drevney Rusi (XI — seredina XIII veka): Neskol'ko nablyudeniy* [Church courts in Ancient Rus' (XI — mid-XIII century): A few observations] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya*. 2011. Vyp. 45. № 12(227). S. 106–116.
7. *Klyuchevskiy V.O. Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Lives of Saints as a historical source]. Moscow: Nauka, 1988. 512 s.
8. *Kolchin B.A., Chernykh N.B. Dendrokronologiya Vostochnoy Evropy* [Dendrochronology of Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1977. 128 s.
9. *Konyavskaya E.L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI — seredina XV veka)* [Author's self-consciousness of an ancient Russian scribe (XI — mid-XV century)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 201 s.
10. *Konyavskaya E.L. K voprosu ob osobennostyakh «Zhitiya Avraamiya Smolenskogo»* [On the question of the features of the «Life of Abraham of Smolensk»] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2001. № 1(3). S. 111–113.
11. *Makariy (Bulgakov), mitropolit. Istoriya russkoy tserkvi (v 5-ti kn.)* [History of the Russian Church (in 5 books)]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1995. Kn. 2. 704 s.

12. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior editions]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1950. 642 s.
13. *Pechnikov M.V.* Delo Avraamiya Smolenskogo: Za chto byl gonim pravednik? [The case of Abraham of Smolensk: Why was the righteous persecuted?] // *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy*. 2000. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003. S. 346–359.
14. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 2. St. Petersburg, 1908.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 4. Ch. 1. Vyp. 1. Petrograd, 1915.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. T. 25. Moscow; Leningrad: Nauka, 1949.
17. *Redkov N.* Prep. Avraamiy Smolenskiy i ego Zhitie, sostavlennoe uchenikom ego Efremom [Rev. Avraamy Smolensky and his Life, compiled by his disciple Ephraim]. Vyp. 1. Ch. 1. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina, 1909. S. 1–176.
18. *Rozanov S.P.* Zhitiya prep. Avraamiya Smolenskogo i sluzhby emu [Lives of Rev. Avraamy Smolensky and services to him]. St. Petersburg, 1912. XXVI, [2], 166, [1] s.
19. *Rybakov B.A.* Smolenskaya nadpis' XIII veka o «vragakh igumenakh» [Smolensk inscription of the XIII century about the «enemies-abbots»] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1964. № 2. S. 179–187.
20. *Sverdlov M.B.* Mirskie realii v Zhitii Feodosiya Pecherskogo [Worldly realities in the Life of Theodosius of the Kiev Caves] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. № 1. S. 7–14.
21. Uspenskiy sbornik XII–XIII vekov [Assumption collection of the XII–XIII centuries]. Moscow: Nauka, 1971. 751 s.
22. *Yanin V.L.* U istokov Novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of Novgorod statehood]. Velikiy Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2001. 152 s.

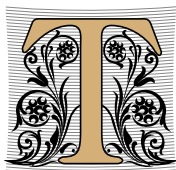

Ключевые слова:

агиография, Житие Феодосия Печерского, Житие Авраамия Смоленского, исторические реалии.

Elena L. Konyavskaya

HISTORICAL REALITY DEPICTED IN EARLY RUSSIAN HAGIOGRAPHY

The article is based on the Life of Theodosius of the Caves and the Life of Abraham of Smolensk. Analyzed is the significance of the available political, religious and everyday historical data presented.

Key words: Hagiology, Life Theodosius of the Kyiv Caves, Life of Abraham of Smolensk, Historical Realia.

Elena L. Konyavskaya — D. Sc. (Philology), Chief Research Scientist at the Institute of Russian history of the Russian Academy of Science.

Конявская Елена Леонидовна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Института российской истории РАН